

Іоганнъ Августъ Метлеркампъ какъ лирикъ.

Не многочисленны имена лекторовъ нѣмецкаго языка при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, которые въ теченіе его столѣтняго существованія (1805—1905) заслуживали бы того, чтобы имена ихъ были переданы потомству. Между ними, безъ сомнѣнія первое мѣсто занимаетъ *Іоганнъ Августъ Метлеркампъ*, сынъ полковника, командовавшаго подъ русскими знаменами во время похода 1813—1814 г.г. ганзейскимъ корпусомъ добровольцевъ. І. А. Метлеркампъ родился въ Гамбургѣ 20-го августа 1810 г. По окончаніи одной изъ тамошнихъ гимназій въ 1826 г., онъ поступилъ на военную службу въ Россіи юнкеромъ въ Борисоглѣбскій уланскій полкъ. Осенью того же года онъ выступилъ съ своимъ полкомъ въ походъ противъ персіянъ, въ которомъ такъ отличился, что былъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена Св. Георгія за храбрость. Въ 1828 г. онъ былъ произведенъ въ корнеты, а по окончаніи войны возвратился съ своимъ полкомъ въ Россію и сталъ на квартиру въ Чугуевѣ, Харьковской губерніи. Дослужившись до чина штабсъ-ротмистра, Метлеркампъ въ 1835 г. вышелъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ и въ октябрѣ того же года былъ опредѣленъ въ Харьковскій университетъ лекторомъ нѣмецкаго языка.

Уже въ ранней молодости Метлеркампъ чувствовалъ неодолимое влеченіе къ поэзіи, которое особенно увеличилось вслѣдствіе того, что онъ, благодаря библіотекѣ своего сослуживца графа Игельштрема, ближе познакомился съ нѣмецкими классиками. Чувствуя въ себѣ самую поэтическую жилку, онъ вскорѣ взялся за поэзію, при чемъ употреблялъ свои свободные часы, главнымъ образомъ, для того, чтобы болѣе усовершенствоваться въ наукахъ и пополнить нѣкоторые пробѣлы въ своемъ знаніи. Скоро работа его увѣча-

нась уснѣхомъ и уже въ 1833 г. первыя его стихотворенія появились въ Петербургѣ въ журналѣ «Magazin belehrender und angenehmer Unterhaltung»; въ 1837 г. въ гамбургской «Thalia», въ дерптскомъ «Refractor» и въ гамбургскихъ «Originalien». Нѣсколько лѣтъ спустя появились его дальнѣйшія лирическія стихотворенія въ Берлинскомъ «Gesellschafter», въ штутгартскихъ «Blätter zur Kunde der Litteratur des Auslandes» и въ «Musenalmanach» Штейнманна въ Лейпцигѣ.

Въ 1840 г. Метлеркамъ предпринялъ путешествіе въ Гамбургъ, гдѣ онъ познакомился съ Гутцковымъ, Геббелемъ, Дингельштедтомъ, Горномъ и Тепферомъ, знакомство которыхъ очень благотворно подѣйствовало на него и его творческія силы. Во время своего пребыванія на родинѣ онъ не только имѣлъ случай писать затрѣбныя критики для «Originalien» Лотцена, но и помѣстилъ въ этомъ журналѣ, кромѣ нѣкоторыхъ стихотвореній, переводъ «Мортеръ и Сальери» Пушкина и переводъ «Исторія двухъ калошъ» Лопуба. Возвратясь въ Россію, онъ занимался переводомъ романа Лермонтова «Герой нашего времени», отрывки котораго были напечатаны въ «Originalien» въ Гамбургѣ. Далѣе, появились въ Петербургѣ въ «Magazin belehrender und angenehmer Unterhaltung» его статья о «Анастасіи Грюнѣ» и разсказъ подъ заглавіемъ: «Der wunderbare Teich». За этимъ слѣдовала статья: «Ein Wort über die zeitgemässige deutsche Lyrik und deren Verhältniss zur Kritik», помещенная въ «Thalia» въ Гамбургѣ въ 1841 г., также различныя стихотворенія въ Лейпцигской, «Novellenzeitung» и переводы нѣсколькихъ стихотвореній Лермонтова въ пражскомъ журналѣ «Ost und West». Но болѣе всего заслуживаетъ вниманія изданное у Вестерманна въ Брауншвейгѣ въ 1846 году собраніе его стихотвореній подъ заглавіемъ «Liederschwalben» (Пѣсни-ласточки), отличающихся особенной свѣжестью и нѣжностью.

Въ 1853 г. Метлеркамъ по выслугѣ 25 лѣтъ былъ оставленъ на службѣ еще на 5 лѣтъ. Но когда въ 1854 г. возгорѣлась война противъ Турціи, онъ подалъ прошеніе объ опредѣленіи его въ военную службу въ одинъ изъ полковъ дѣйствующей арміи съ тѣмъ, чтобы, кромѣ производства ему содержанія, наравнѣ съ прочими офицерами, была предоставлена семейству его та пенсія, кото-

рую онъ заслужилъ по учебной части Министерства Народнаго Просвѣщенія. На это прошеніе послѣдовало слѣдующее изъясненіе Г-на Военнаго Министра генераль-адъютанта князя Долгорукова, «что, если послѣдуетъ на это Монаршее соизволеніе, Метлеркамъ можетъ поступить тѣмъ же поручичимъ чиномъ, коимъ служилъ въ послѣднее время въ бывшемъ Борисоглѣбскомъ уланскомъ полку, и что въ случаѣ изъясненія имъ желанія быть опредѣленнымъ въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ, онъ долженъ предварительно опредѣленія, представить, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ приказѣ по военному вѣдомству 15 дек. 1852 г. за № 142, на покупку верховой лошади и для офицерскаго обмундирования; если желаетъ поступить въ уланскій, драгунскій или кирасирскій полкъ—430 руб., а ежели въ гусарскій то—580 руб. и независимо отъ сего—реверсъ отъ предводителя дворянства о достаточномъ состояніи содержать себя въ кавалеріи. Далѣе, что касается до испрашиваемой Метлеркампомъ при настоящемъ случаѣ пенсіи для семейства его, то по существующимъ правиламъ, Министръ Народнаго Просвѣщенія Тайный Совѣтникъ Норовъ не считаетъ себя въ правѣ распорядиться назначеніемъ оной». Вслѣдствіе этого изъясненія Метлеркамъ долженъ былъ отказаться отъ своего ревностнаго желанія вступить вновь въ ряды русскихъ воиновъ, такъ какъ по стѣсненнымъ семейнымъ обстоятельствамъ не въ состояніи исполнить «начертанныя ему Господиномъ Военнымъ Министромъ условія». При этомъ въ своемъ рапортѣ на имя Господина Ректора Императорскаго Харьковскаго университета, К. К. Фойта, отъ 5-го апрѣля 1854 г. Метлеркамъ говоритъ между прочимъ: «При чемъ осмѣливаюсь почтительно присовокупить, что я въ послѣднее время въ бывшемъ Борисоглѣбскомъ уланскомъ полку служилъ не поручикомъ, а штабъ-ротмистромъ, въ который чинъ былъ произведенъ Высочайшимъ приказомъ въ 1834 г., а уволенъ по домашнимъ обстоятельствамъ тѣмъ же чиномъ въ 1835 г.

Февраля 19 дня 1855 г. лекторъ нѣмецкаго языка Метлеркамъ обратился къ Ректору университета съ прошеніемъ объ опредѣленіи его въ государственное ополченіе по Курской губерніи. Однако, просьба эта, переданная на распоряженіе Курскому губернатору, генераль-маіору Лужину, была не удовлетворена за окончаніемъ

полотированія дворянъ въ офицеры дружинъ Курской губерніи и замѣщеніемъ всѣхъ ваканцій.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству въ 1858 г. Бетлеркамъ былъ уволенъ отъ службы по прошенію за выслугою 10-ти лѣтъ съ мундиромъ, присвоеннымъ должности, и пенсіею въ мѣнѣ коллежскаго совѣтника. Послѣ отставки онъ остался жить въ Харьковѣ и умеръ въ 1863 году.

Сколько я ни справлялся и не искалъ въ Россіи и за границей, мнѣ, къ сожалѣнію, удалось собрать только *весьма* мало изъ его работъ, заброшенныхъ по разнымъ изданіямъ и упомянутымъ выше журналомъ, его сочиненій, стихотвореній и переводовъ изъ русскихъ авторовъ, поэтому долженъ ограничиться его «Liederschwalben» т. е. «Пѣсни-ласточки», которыя нашелъ въ Харьковской университетской библіотекѣ. Но и онѣ даютъ намъ достаточный матеріалъ, чтобы узнать душу и умъ человѣка, одареннаго богатымъ поэтическимъ талантомъ, «но не бывшаго въ состояніи подняться до уровня самыхъ лучшихъ поэтовъ» («nicht hat den Besten nach zu kommen vermocht»), «потому что изъ урны судьбы ему не выпала блестящая жребій» («aus der Urne des Geschickes kein glänzendes Los»). Онъ не былъ избавленъ отъ превратностей жизни, на его долю выпали заботы различнаго рода, такъ что онъ самъ говоритъ: «Die Welle nur des flücht'gen Augenblickes wiegt tändelnd mich auf dem Silberschoos», т. е. только мимолетной минуты волна качаетъ меня на своемъ серебристомъ лонѣ!

Между тѣмъ его смѣло можно поставить на ряду со многими выдающимися лириками Германіи. Онъ обладаетъ сладкими, проникновенными въ сердце мелодіями, онѣ скользятъ, какъ мимолетное доверіе и, несмотря на свою неуловимость, производятъ чарующее впечатлѣніе. Кажется, будто душа поэта грезитъ и будто ему отчасти самая затаенная жизнь сердца и природы, какъ будто онъ понимаетъ таинственный языкъ, на которомъ говорятъ другъ съ другомъ цвѣты, деревья и морскія волны. Что касается языка поэта, то въ однихъ звукахъ его словъ заключается нѣжная музыка, которая посвящаетъ читателя высшимъ чувствамъ, пробуждаетъ въ немъ живое сочувствіе, сладкую грусть или воодушевленную жажду дѣятельности.

Метлеркампъ подраздѣлялъ свои «Пѣсни-ласточки» на: 1) Пѣсни и оды, 2) Радость и печаль любви, 3) Сонеты, 4) Лирическо-эпическое, 5) Переводы съ русскаго: а) Стихотвореніе Лермонтова, б) Малороссійскія пѣсни, 6) Эпиграфъ.

Каждая часть начинается эпиграфомъ.

Изданы и напечатаны «Пѣсни-ласточки» у Г. Вестермана въ Брауншвейгѣ, въ 1846 году.

Своимъ «*Liederschwalben*» поэтъ предпосылаетъ прологъ, въ которомъ онъ пользуется, подобно Гёте въ посвященіи въ Фаустъ, размѣромъ октавы, который въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова называется также стансомъ. Въ этомъ прологѣ онъ высказываетъ свое большое воодушевленіе поэзіей и считаетъ себя счастливымъ, что для него «*der Dichtung heilige Wunderblume erblüht* ¹⁾ *ist*» т. е. расцвѣлъ святой чудный цвѣтокъ поэзіи, что онъ можетъ перенестись въ волшебный міръ фантазіи, и что больное сердце, благодаря этому счастью, часто чувствуетъ себя вновь оживленнымъ, такъ что можетъ съ новой силой бороться съ горемъ и заботой. Но все это дѣлается съ такой скромностью и робостью, которыя тотчасъ же склоняютъ въ пользу поэта:

«*Verschmäheth nicht der Lieder schlichte Gabe,
Mit der Euch hier ein Neuling schüchtern grüßt;
Und sind's auch Perlen nicht, was ich Euch biete,
So biet' ich's doch mit liebendem Gemüthe*».

Правда, онъ надѣялся, что жизнь его сложится такъ, что онъ будетъ въ состояніи посвятить себя всецѣло поэзіи, но его желаніе не осуществилось, потому что провидѣніе, какъ мы видѣли выше, предназначило ему другой путь.

Въ прологѣ онъ обращается къ великимъ поэтамъ своей родины, Германіи, которыхъ Господь призвалъ къ святой брани за права духа и за свѣтъ и воодушевляетъ ихъ всегда выступать на защиту всего добраго и благороднаго, чтобы слава ихъ стояла прочно въ книгѣ исторіи.

¹⁾ Удержано нѣмецкое правописаніе автора.

Въ концѣ пролога онъ посылаетъ свои «маленькія пѣсни» какъ привѣтъ въ горячо любимое имъ отечество:

„So zieht denn hin, ihr meine kleinen «Lieder»,
Ins Vaterland, bescheid'nen «Schwalben» gleich,
Und nehmt von mir auf eurem Lenzgefieder
Viel tausend Wünsche für sein Wohl mit euch!
Nicht zu der Groszen Hallen laszt euch nieder,
Sucht nied'rer Hütten friedlichern Bereich,
Und unter ihren Dächern, fest und fester,
Baut aus der Liebe Reiseru eure Nester!“

За прологомъ слѣдуютъ «Пѣсни и оды»; въ первой пѣснѣ поэтъ представляетъ намъ какъ бы программу своихъ слѣдующихъ стихотвореній: онъ высказываетъ намѣреніе прислушиваться къ природѣ, а не къ созданіямъ рукъ человѣческихъ.

„Ein Fremdling wallt der Dichter auf der Erde,
Fern von des Welttands eitler, nicht'ger Spur;
Jedoch ein unzertrennlicher Gefährte,
Bleibt er der treuen Mutter, der Natur“.

Поэтъ нуждался въ природѣ для высшаго полета своихъ идей и для нагляднаго поясненія ихъ картинами. При этомъ онъ вникъ въ мельчайшія подробности: онъ радуется всякому новому листку, на которомъ висятъ капли росы, вообще, почти во всѣхъ своихъ стихотвореніяхъ обвѣщаетъ насъ ароматъ цвѣтовъ. Величіе природы, ея простота и разнообразіе, ея законмѣрность во всѣхъ ея проявленіяхъ возбуждали его удивленіе и благоговѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда направляли его мысли выше природы къ той безмѣрности духа, отраженіемъ котораго она служить:

Dem Kinde gleich, spielt er (der Dichter) mit Blatt und Blume,
Mit ihnen wechselt er manch traulich Wort;
Nach einem unbekannten Heiligthume
Zieht ihn ein tiefes Sehnen mächtig fort.“

Чтобы удовлетворить это, «сильное, страстное желаніе», чтобы достигнуть цѣли своего стремленія, онъ то «на воздушныхъ, волшебныхъ крыльяхъ пролетаетъ по сушѣ и морю», то смѣло «про-

никаетъ въ далекій эфиръ или спускается въ темныя вѣдра земли» въ надеждѣ не найдетъ ли онъ тамъ чудесный волшебный ключъ.

„Bis ihm, vielleicht im höchsten Sehnsuchtsdrange,
Der Tod des Körpers Riegel sanft erschlieszt“...

Далѣе онъ воспѣваетъ то «май», когда все дышетъ весельемъ и радостью, и его грудь также будетъ освобождена «отъ льда унынія, такъ что тучи заботы улетятъ предъ надеждой на весеннее сіяніе, и снова забыть ключъ пѣсень», то «утро», то «ночь», то «пѣніе птицъ». Тамъ утренняя заря ласково приглашаетъ его, какъ и все твореніе вокругъ, къ молитвѣ, здѣсь подъ «чудеснымъ деревомъ ночи» поэту кажется, что онъ ясно слышитъ слова, которыя еще никогда не раздались на землѣ, но которыя сообщили ему одному Господь Богъ:

„Jhm tönt's wie sel'ger Engel Kunde:
Dasz einst im schönern, hellern Land
Des Menschen wundes Herz gesunde
Und jeder Kummer sei verbannt“.

Искренняя любовь къ отечеству и сильная тоска по немъ выражается въ пѣснѣ «Des Knaben Heimweh» т. е. тоска мальчика по родинѣ. Въ этомъ стихотвореніи онъ рассказываетъ, что провелъ счастливую юность подъ яркимъ солнцемъ родины, что никакое горе, никакая большая забота не посѣщали его. Но съ той поры, какъ онъ покинулъ страну своихъ предковъ, и юношей отправился въ чужбину, его жизнь измѣнилась во всѣхъ отношеніяхъ, къ нему подступили заботы разнаго рода, которыя произвели на него такое угнетающее впечатлѣніе, что даже природа не могла болѣе производить на него своего благотворнаго вліянія:

„Doch kein blühendes Gefilde
Fand ich, wie im Vaterland;
Nirgend weht die Luft so milde
Wie am theuren Heimathstrand.
Nirgend blickt der Mond so helle
Durch der Blätter zartes Grün;
Nirgend rauscht so sanft die Quelle
Durch die Wiesenblumen hin!“

Сильная тоска по родинѣ охватываетъ его и все больше и больше пробуждается въ немъ желаніе хотя еще одинъ разъ «притѣствовать» свое отечество, имѣть возможность отдохнуть подъ «оль-овыми деревьями» его тихихъ родныхъ лѣсовъ:

„Nur noch *ein* Mal, gü't'ger Himmel,
Ach, nur noch ein *einzig* Mal
Führ'mich aus dem Weltgetümmel
In der Heimath stilles Thal!
Wenn auch dann auf schwarzem Flügel
Mich der Tod hinüber ruft:
Wehet doch um meinen Hügel
Kühl die heimathliche Luft!“

Но это его желаніе, кажется, не было удовлетворено, потому что мы въ послѣдующихъ его стихотвореніяхъ нигдѣ не встрѣчаемъ указанія на то, что онъ побывалъ въ этотъ періодъ времени на родинѣ и какое впечатлѣніе она произвела на него послѣ столь долгаго отсутствія. Если-бы желаніе его исполнилось, то у поэта, навѣрное, прозвучало бы въ его пѣсняхъ, о почувствовала его глубокая душа при видѣ родныхъ полей, при видѣ родного города. Онъ сообщил бы намъ, какъ онъ смѣялся и шутилъ въ кругу своихъ друзей и родныхъ, какъ онъ горевалъ у могилы своихъ родителей или усопшихъ друзей.

Такъ какъ его желаніе не исполняется онъ ищетъ миръ и утѣшеніе въ томъ, чтобы выразить въ стихахъ то, что волнуетъ его душу:

„So erquickst du mir das Herz,
Sel'ger Himmelsfriede,
Das des Lebens Müh und Schmerz
Machten wund und müde.
Manches holde Traumgebild
Längst entschwund'ner Zeiten
Lässt du wieder freundlich-mild
Mir vorübergleiten“.

Весьма грустные мысли поэтъ высказываетъ и въ своемъ стихотвореніи «Осенняя грусть», которое онъ заканчиваетъ слѣдующими стихами:

„Mit der Kraniche Zug, mit dem stolzen Fluge der Schwäne
Ziehn ihre Träume dahin, suchend ein wärmeres Land!
Ach, wann kehren sie wieder, wann ruft sie aufs Neue des Frühlings
Heller, sonniger Glanz in ihre He-math zurück?
Oder kehren sie nimmer, die goldbefiederten Träume,
Kehrt ins erkaltete Herz nimmer der Frühling zurück?
O, dann möge sich nie der Hain für mich mehr belauben,
Nimmer ertöne mir dann wieder der Nachtigall Lied;
Möge kosend der West der Pappeln Zweige durchsäuseln,
Doch es neige ihr Laub flüsternd sich hin auf mein Grab!“

Но при всѣхъ ударахъ судьбы, заботахъ, превратностяхъ жизни, тщетныхъ желанійхъ мы не находимъ въ его стихотвореніяхъ ни ропота, ни гнѣва противъ Того, Кто все это ниспослалъ ему, все это возложилъ на него; вездѣ, напротивъ, звучить глубокая благодарность Творцу, напр., въ стихотвореніи «Frühlings Wiederkehr»:

„Denn der Geist der Liebe zieht
Säuselnd hin durch Feld und Hain,
Hauchet Allem, was da blühet,
Seinen heil'gen Odem ein.
Und entzückt greif'ich zur Leier,
Stimm', von heissem Dank durchglüht,
In die Auferstehungsfeier
Schlichten Klangs dies kleine Lied!
Antwort tönt aus jedem Strauche;
Blatt und Blume lispeln leis
Wie mit sel'gem Geisterhauche.
„«Gott, dem Höchsten, Ruhm und Preis!»“

Вмѣстѣ съ благодарностью Творцу выражается твердая вѣра въ благость и милость Господа, Который не допускаетъ до отчаянія среди житейскихъ бурь, а во всѣхъ положеніяхъ жизни даетъ утѣшеніе и надежду. Надъ одромъ страданій больного сострадательно

слоняется надежда и подкрѣпляетъ его радостными мыслями о скоромъ выздоровленіи. Ницѣго она усыпляетъ счастливыми снами, блещетъ горе вдовѣ и сиротѣ и шепчетъ умирающему сладкія слова утѣшенія. Поэтъ оканчиваетъ стихотвореніе «Надежда» словами:

„Leit' auch *mich* auf hellen Pfaden,
Hoffnung, holdes Götterkind,
Wie an goldnem Zaubersfaden
Durch des Lebens Labyrinth.
Und verrinnt aus meines Lebens
Uhr das letzte Körnchen Sand:
Dann entführ' mich, leisen Schwebens,
Ins verheisz'ne Wonneland“.

Ту же мысль мы снова находимъ въ «Vigilie», въ «Lebensbuch» и въ «Gottvertrauen». Когда къ человѣку, говоритъ поэтъ, отступаютъ житейскія страданія и нужда, онъ всетаки долженъ вѣряться на лучшіе дни и быть увѣреннымъ, что они наступятъ. Въ этой надеждѣ Метлеркамъ находитъ утѣшеніе; хотя вскорѣ слѣды его мирнаго дѣтства показались на небѣ грозныя тучи и въ здвѣйшіе годы его душѣ много пришлось страдать подъ ударами бѣды, онъ чувствовалъ себя хорошо, когда онъ, благодаря своему поэтическому таланту, могъ создать себѣ «новый міръ»:

„Und was die kalte Wirklichkeit zertrümmert:
Das blüht im Liede herrlich wieder auf!“

Особенно привлекательны пѣсни Метлеркампа, которыя трактуютъ о любви, радости и горести, его «Liebes-Lust-und Leidlieder». Въ нихъ онъ скромно поднимаетъ «туманную завѣсу» минувшихъ временъ, показываетъ намъ, какихъ надеждъ было полно утро его жизни, и проводить предъ нами свои любовныя мечты съ ихъ страданіемъ и радостью. То онъ преподноситъ своей возлюбленной приѣтъ любви, то услаждаетъ ее серенадою. При этомъ онъ такъ деликатенъ и робокъ какъ Вальтеръ фонъ-дёръ-Фогельвейде: своими пѣснями онъ, конечно, желаетъ прославлять любимую дѣвушку, но онъ не должны изобличать того, кто любитъ ее, горюя въ одиночествѣ, «чтобы никакая печаль не омрачила ея ясной души». Онъ является предъ нами веселымъ странствующимъ подмастерьемъ

и весело рассказываетъ намъ, какъ онъ отправился въ свѣтъ, чтобы добыть важнѣйшее условіе для женитьбы—гнусныя деньги. Но при разлукѣ онъ не открылъ возлюбленной причины своего странствованія:

Doch hab' ich's (d. h. Geld), und führt zu der Lieben
Mich unversehrt heimwärts der Stab,
Dann will ich's nicht länger verschieben,
Zu sagen, wie lieb ich sie hab'.
Dann tritt sie mit thauigen Wimpern
Mit mir vor den Vater—und schlau
Beginn' mit dem Geld ich zu klimpern
Und sag': „gebt mir's Mädchen zur Frau!“

То онъ намъ изображаетъ счастье своей любви розовыми красками, наприм., въ стихотвореніи: «Winterfrühling» т. е. весна—зимой.

„Da drauszen stürmt es und schneit es,
Die Straszen und Dächer sind weisz;
An meinen Fensterscheiben
Gefriert mein Hauch zu Eis.

Da öffnet sich plötzlich mein Stübchen
Und Liebchen huscht trällernd herein,
Mir ist's, als vernähm' ich die Stimmen
Der Nachtigallen im Hain.

Und tausendmal küss' ich sie jauchzend:
„Mag's drauszen nur stürmen und schnein;
Zu mir zog mit Veilchen und Rosen
Ein lächelnder Frühling ein!“

Въ стихотвореніи «Lied des Fischerknaben» (пѣсня мальчика—рыбака) Метлеркамъ говоритъ, напротивъ, о глубокой печали, которая причинила ему смерть дочери мельника, его возлюбленной Кѣтхенъ. Какъ онъ любилъ дѣвушку, какъ онъ въ сумрачную ночь переправился къ ней на лодкѣ, какъ они оба радовались любви,

акъ изъ великолѣпнаго блистанія звѣздъ вычитывали веселую будущность, но какъ скоро, эти блаженные времена миновали:

Wie bald, o ihr seligen Zeiten,
Zerfloszt ihr in Nebel und Duft!
Dampf hallte der Dorfkirche Läuten,
Wir trugen mein Käthchen zur Gruft!
Nun will nichts die Seele erfrischen,
Nie wird mir das Herz mehr gesund!
O, läg' ich doch todt bei den Fischen
Tief unten auf kühligem Grund!“

Слѣдуетъ, далѣе, упомянуть, что рядомъ съ Платеномъ, Рюккеромъ, Боденштедтомъ и другими поэтами также и Метлеркамъ оставилъ намъ весьма удачные опыты подражанія восточнымъ поэтамъ къ называемыя «Ghasel» т. е. любовныя пѣсни.

Изъ 13 сонетовъ, посвященныхъ не только искусству, любви, смерти, но и лицамъ, которыя были ему особенно близки, я, преимущественно, укажу на три, которые свидѣлствуютъ объ обильномъ энтузіазмѣ и горячей любви.

Въ первомъ сонетѣ, посвященномъ Анастасію Грюну, ¹⁾ Метлеркамъ съ большимъ одушевленіемъ описываетъ чувства, возбужденныя въ немъ «небесными звуками» австрійскаго поэта:

„Die mir die Brust mit süßem Schau'r durchbebten,
Das, wackrer Sänger, waren *Deine* Lieder,
Die, Schwänen gleich, auf klingendem Gefieder,
Vom Donaustrand zu mir herüberschwebten“.

Второй сонетъ посвященъ Платену; авторъ говоритъ въ немъ о своей большой любви къ его высокой и чистой поэзіи и глубоко скорбитъ о томъ, что Платень, который стремился постоянно и жребно къ идеалу, вмѣсто награды и благодарности, получилъ отъ своего народа только насмѣшки, и поэтъ кончаетъ словами:

„Verkannt als Küstler wie als Mensch im Leben,
Bostst *Du* der Heimath trauernd *Deinen* Rücken
Um in der Fremde ruhig-stolz zu sterben ²⁾“.

¹⁾ Его настоящее имя и фамилія: Графъ Александръ фонъ Ауэрспергъ; умеръ въ 1876 г.

²⁾ Графъ А. Платень умеръ 5-го декабря 1835 г. въ Сиракузахъ.

Въ третьемъ сонетѣ «Надгробный вѣнокъ Полинѣ» поэтъ оплакиваетъ внезапную смерть горячо имъ любимой жены. Какъ глубока и искренна была эта любовь, какъ превосходно его жена умѣла сдѣлать уютнымъ домъ мужу и дѣтямъ, мы чувствуемъ при чтеніи этого сонета. Поэтъ не можетъ представить себѣ жизни безъ жены и, подобно своимъ дѣтямъ, надѣется все на ея возвращеніе.

„Fragt doch an jedem Tage noch mich immer
Der jüngste Knabe: «wird's noch lange währen,
Bis Mutter kommt?» und stets mit Hoffnungsschimmer
Such' ich den Sinn des Kindes zu bethören.
Bin ich doch selbst im kind'schen Wahn befangen:
Nur zum Besuche seist du ausgegangen
Und kämest bald gesund und frisch nach Haus».

Полный благодарности поэтъ обращается къ той, которая постоянно взоромъ и словомъ воодушевляла его къ поэзій, которая была для него яснымъ солнцемъ жизни и сумѣла благодатно вліять на дѣтей, которыя только благодаря ей сдѣлались такіа хорошія и милыя:

«Ein Trost (продолжаетъ поэтъ) ist's mir, dasz ich des Herzens Weh
Vermag im Lied melodisch aufzulösen.
Vermöcht' ich's nicht: wie wollte anders je
Vom tiefen Gram die wunde Brust genesen?»

Своей женѣ (Полинѣ) онъ желаетъ воздвигнуть въ своемъ сердцѣ прочный памятникъ:

«Will's mit der Dichtung Blütenkranz umreihn
Und mit der Wehmuth Thräne lind bethauen.
Du aber schlumm're selig und in Frieden
Den tiefen Schlaf und sende Trost und Ruh
Mir und den Kindern, die Du liesz't hienieden».

За сонетами слѣдуетъ цѣлый рядъ лирико-эпическихъ стихотвореній. Лирику Метлеркампа, по ея простотѣ и глубинѣ чувства, по ея богатству настроенія, свѣжей естественности и легкой риматической граціи можно, отчасти, сравнивать съ лирикой Генриха Гейне, при чемъ надо замѣтить, что эротическій характеръ лирики

ослѣдняго совершенно отсутствуетъ въ лирикѣ Метлеркампа; по ея сердечности, вѣжности и чистотѣ она походить, какъ уже сказано выше, мѣстами на лирику великаго пѣвца среднихъ вѣковъ Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде.

Лирико-эпическія стихотворенія Метлеркампа начинаются съ стихотворенія: «Муза».

Въ то время, когда онъ однажды лежалъ въ лѣсу на мягкомъ мѣстѣ, явилась къ нему «Муза» въ образѣ дѣвушки и сказала ему:

«Warum so lang hast Du Dich mir entzogen?
Ist Dir des Herzens Blume schon verdorrt?
Risz Dich in seinen bunten Strudelwogen
Der eitle Tand des Lebens brausend fort?
Vergasest Du so ganz des Schwurs der Treue,
Mit dem Dein Herz sich ewig mir verband,
Als ich den Kranz der heil'gen Dichterreihe
Dir liebend um die Jünglingsschläfe wand?».

Изъ этихъ словъ видно, что поэтъ вслѣдствіе какихъ-то обстоятельствъ судьбы, измѣнилъ своей музѣ и нѣкоторое время бросилъ заниматься поэзіей. Но муза снова приближается къ нему, находитъ его и, указывая на будущность, говоритъ ему:

«Noch ist es Zeit! Kühn muszt Du vorwärts schauen,
Nicht darfst Du trauernd wenden Deinen Blick!
Der Sehnsucht wärmste, reinste Thränen thauen
Vergebens nieder auf ein todtes Glück!
Hat Dir Dein Lenz der Freuden viel genommen,
Ermanne Dich und klage länger nicht,
Sieh! hell schon ist der Sommer aufgeglommen,
Der freundlich Dir manch gold'ne Frucht verspricht!»

За «Музой» слѣдуетъ: «Незабудка», «Вѣрная дѣвушка», «Странникъ и мальчикъ» и другія стихотворенія, въ которыхъ поэтъ выражаетъ въ лирическихъ звукахъ радость и печаль жизни и этимъ увлекаетъ читателя все болѣе и болѣе.

Въ эпически-лирическомъ стихотвореніи «Рыцарь Баярдъ» поэтъ воспѣваетъ человѣческій, благородный подвигъ великаго Баярда, мечъ котораго косилъ враговъ, какъ серпъ коситъ поспѣвшій хлѣбъ».

Побѣдителемъ возвращаясь съ похода домой, герой видитъ прелестную дѣвушку, которой онъ непремѣнно желаетъ обладать, но «хотя онъ до сихъ поръ все преодолевалъ, любовь заставляетъ его призадуматься и покорять свое мужество». Когда дѣвушку приводятъ къ нему, и она съ умоляющими словами: «Пощадите, рыцарь, мою честь, мое единственное достояніе въ мірѣ!» падаетъ передъ нимъ на колѣни, страшный въ другихъ случаяхъ рыцарь подавляетъ грѣховное пламя любви, поднимаетъ дѣвушку и съ смиреніемъ преклоняется «предъ божественной силой невинности». Со словами: «И впредь сохраните вѣрно и свято свой благочестивый цѣломудренный образъ мыслей!» онъ, не прикасаясь къ дѣвушкѣ, отпускаетъ ее не только съ богатыми подарками, но и приказываетъ двумъ своимъ оруженосцамъ благополучно проводить ее чрезъ воинскій лагерь...

«Doch als kaum die Morgenröthe die bethaute Flur erhellt:
Sammelt er der Tapfern Schaaren, schwingt sich auf sein muthig Rosz,
Und zu neuem Kampf und Siege führt er seiner Krieger Trosz».

Въ стихотвореніи «Помолвленные», написанное гекзаметромъ авторъ изображаетъ идиллію, подобную Гётевской «Германъ и Доротея» съ истинно Гётевскимъ искусствомъ. Поэтъ показываетъ намъ, какъ превосходно онъ умѣетъ описать великолѣпіе природы и образъ мыслей и чувствъ старыхъ и молодыхъ людей. Чего-чего онъ не подслушалъ у природы и людей и съ какой пріятной манерой онъ умѣетъ рассказывать объ этомъ. Лотхенъ, дочь честнаго фермера въ Тальдорфѣ, только что обручена съ Вильгельмомъ, сыномъ пастора, оба очень счастливы по взаимной любви. Уже давно любовь къ молодому человѣку поселилась въ сердцѣ дѣвушки, но только вчера онъ произнесъ рѣшительное слово, ея страстное желаніе было исполнено и «наконецъ послѣ долгихъ опасеній и надеждъ она могла обнять своего Вильгельма, благочестиваго, пламеннаго юношу!» Это блаженное чувство заставляетъ ее оставить комнату и выйти на свѣжую утреннюю прохладу. Здѣсь подъ открытымъ небомъ, гдѣ никто не можетъ подслушать, она хочетъ поблагодарить милосерднаго Бога за то, что Онъ сдѣлалъ ее такою счастливою. Но едва она произнесла свою молитву, какъ изъ ближайшаго куста выскакиваетъ Вильгельмъ, обнимаетъ и цѣлуетъ ее. По-

ь изображаетъ стыдъ молодой дѣвушки при первомъ поцѣлуѣ жениха слѣдующимъ образомъ:

«Väterchen sagst Du's doch nicht!» so flüsterte ängstlich die
Jungfrau.

«Sag' es nicht Wilhelm! sieh hier dies schöne duftende Sträuslein
Geb' ich Dir, so Du's nicht sagst!» Da sprach der trunkene
Jüngling:

«Komm' denn, o komm an mein Herz, mein süszes edeles Bräutchen,
Will es Niemand erzählen; gieb her das duftende Sträuslein,
Ewig bleibt es mir theuer, am Herzen will ich es tragen,
Gleich wie Dich will ich's warten bis an mein seliges Ende!»

Далѣе мы слышимъ и разговоръ родителей между собою, которые «медленнымъ шагомъ» идутъ по «липовой аллеѣ». И они счастливы, что пристроили дочь; полный искренней любви къ дочери отецъ говоритъ женѣ:

«'s ist doch ein Segen des Himmels, solch wunderliebliches
Kindlein.»

Sagte der Vater und schaute bewegt zum sonnigen Himmel.
Lächelnd nickte die Mutter und schweigend umarmten sich Beide».

Видно, что въ «Помолвленные» языкъ Метлеркампа и его манера описанія живо напоминаютъ языкъ и манеру Гёте въ «Германъ и Доротея». Сравнительно съ послѣднимъ «Помолвленные», вѣчно, только весьма короткое стихотвореніе, въ которомъ совершенно отсутствуеъ политическая подкладка.

Въ этомъ отдѣленіи пѣсень мы еще находимъ «Легенду», тактующую о молодомъ рыцарѣ благородной, княжеской крови, который, послѣ того какъ онъ промоталъ послѣднее свое состояніе, покинулъ ночью нищимъ отцовскій замокъ. Въ лѣсу онъ встрѣтилъ панаго духа, который пообѣщаетъ дать ему сокровища, честь и силу, если онъ отречется отъ Бога. Рыцарь громкимъ голосомъ признаетъ клятву. Но когда горный духъ требуетъ:

«Nun leugnet auch die *Jungfrau*, sonst nützt der Schwur mir nicht,
Denn, wen der Herr nach seiner Gerechtigkeit verwarf,
Noch Gnade durch der *Jungfrau* Fürbitte hoffen darf!»

На это, однако, рыцарь никакъ не соглашается:

«Er drückt zur feuchten Erde sein glühend Angesicht
Und flehet: *heil'ge Jungfrau! vergieb, verwirf mich nicht!*»

И когда рыцарь поднялъ свой взоръ, горный духъ исчезъ и вмѣсто него передъ нимъ проносятся образъ Пресвятой Дѣвы и кротко улыбается ему. Онъ на томъ мѣстѣ строить себѣ келью, отрывается отъ всѣхъ земныхъ удовольствій и радостей и дѣлается пустынною. Вскорѣ келья рыцаря становится мѣстомъ богомолья, извѣстнымъ на далекое пространство, къ которому приходятъ много богатыхъ и бѣдныхъ пилигримовъ, чтобы здѣсь найти желанный покой. Послѣ этого прошли столѣтія, кости рыцаря обратились давно въ прахъ, но сказаніе «пропѣтая переходитъ изъ устъ въ уста и возвѣщаетъ о вѣчной, милосердной любви Бога».

Въ концѣ своей книги авторъ представляетъ намъ нѣсколько переводовъ стихотвореній съ русскаго языка съ слѣдующимъ предисловіемъ:

«Blumen, die im fremden Land
Blühend ich am Wege fand,
Hab' ich hier, in müsz'gen Stunden,
Euch zum Heimathstrausz gewunden».

Повидимому стихи Лермонтова особенно нравились Метлер-кампу. Онъ ставилъ его, навѣрно, особенно высоко и изучалъ его съ большимъ интересомъ, что доказываетъ мастерской переводъ «Пророка», «Три пальмы», «Дары Терека» и др.

Чтобы показать въ какой степени переводчику удалось передать поэтическія произведенія Лермонтова, я представляю слѣдующіе образцы на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Пророкъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ даль всевѣдѣнне пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я сталъ любви

Der Prophet.

Seit mit prophet'schem Geiste mich
Begabt hat das urew'ge Wesen,
Kann in der Menschen Zügen ich
Das Laster und die Bosheit lesen.
Der Liebe und der Wahrheit
Lehr',

правды чистыя ученья;
меня всѣ ближніе мои
босали бѣшено каменья.
всыпаль пепломъ я главу,
въ городовѣ бѣжалъ я нищій, —
вотъ, въ пустынѣ я живу,
къ птицы — даромъ божьей
пищи.
вѣтъ Предвѣчнаго храня,
въ тварь покорна тамъ земная,
звѣзды слушають меня,
нами радостно играя.

.....
вотрите-жъ, дѣти, на него,
какъ онъ угрюмъ, и худъ, и
блѣденъ,
вотрите, какъ онъ нагъ и
блѣденъ!
какъ презирають всѣ его!»

Три Пальмы.

Въ песчаныхъ степяхъ аравій-
ской земли
гордыя пальмы высоко росли.

Verkündigt'ich, die hohe,
reine;
Doch aus dem Menschenhau-
fen her
Entsandt'man wüthend nach
mir Steine.
Ein Bettler zog ich durch das
Land,
Streut' Asche auf mein Haupt
und büszte
Mit Stolz, bis ein Asyl ich fand
Bei Vögeln hier in öder Wüste.

Mir huldigt Pflanze, Stein,
und Thier,
Die Macht des Gottes in
mir fühlend;
Die Sterne selbst gehor-
chen mir,
Mit heitern Strahlen mich
umspielend.

.....
«Nehmt d'ran ein Beispiel: seht,
wie bleich
Und hager er vorüberschreitet,
Dem ärmsten nackten Bettler
gleich. —
Und wie Verachtung ihn be-
gleitet!»

Die drei Palmen.

Stolz ragten im wüsten arabi-
schen Land
Drei Palmen empor aus dem
brennenden Sand;

прилегалъ, какъ барсъ пора-
женный стрѣлой;
бѣлой одежды красивая
складки
о плечамъ фариса вились въ
безпорядкѣ;
съ крикомъ и свистомъ несясь
по песку,
бросалъ и ловилъ онъ копые на
скаку.

.....
Въ только-что сумракъ на землю
упалъ,
Въ корнямъ упругимъ топоръ
застучалъ, —
И пали безъ жизни питомцы
столятии!
Въ жду ихъ сорвали малыя дѣти,
Рублены были тѣла ихъ по-
томъ,
И медленно жгли ихъ до утра
огнемъ.

.....
Инынѣ все дико и пусто кру-
гомъ,
И шепчатыя листья съ грему-
чимъ ключемъ:
И расхо пророка о тѣни онъ
просить —
И лишь песокъ раскаленный
заносить,
И коршунъ хохлатый степной
нелюдимъ,
И вичу терзааетъ и щиплетъ
надъ нимъ.

Bald sprang's wie ein Panther,
getroffen vom Pfeil;
Nachlässig die Schultern des
Reiters umwallten
Die weissen Gewänder in kräu-
selnden Falten;
Und schnalzend und pfeifend
entsandt' er im Lauf
Die Lanze und fing von dem
Boden sie auf!

.....
Doch kaum, dasz vom Himmel
die Dämmerung sank,
Die Axt an den Wurzeln der Pal-
men erklang,
Der stolzen Jahrhunderte Zög-
linge fielen!
Ihr Kleid diente lallenden Kin-
dern zu Spielen;
Zerklüftet dann wurden die Aeste
und bald
Sie gierig die leckende Flamme
umwallt.

.....
Jetzt ist es dort öde und stille
umher,
Nicht flüstern die Palmen im
Morgenwind mehr;
Der Quell, von dem glühenden
Sand überwehet,
Umsonst zum Propheten um Schat-
ten jetzt flehet;
Der Adler der Wüste nur ein-
sam dort kreischt.
Wenn gierig am Quell er die
Beute zerfleischt.

Далѣ любопытно, что Метлеркамъ заинтересовался и украинской народной поэзіей. Онъ далъ весьма удачный переводъ нѣкоторыхъ украинскихъ народныхъ пѣсней. Онъ засталъ еще на мѣстѣ въ Харьковѣ богатую народную словесность, въ тотъ періодъ, когда ея, сильно увлекались его современники проф. Метлинскій и позднѣе проф., Потебня. Наприм.:

Kleinrussisches Volkslied.

Schau'rlich rauscht's im Eichenwalde,
Dichter Nebel deckt die Fluren;
Und es treibt den Sohn die Mutter
Aus dem Hause: «Pack dich fort, Sohn!
Möchten dich die Türken fangen!»
—Mutter! schöne Pferde werd' ich
Bei den Türken mir erbeuten.—

Schau'rlich rauscht's im Eichenwalde,
Dichter Nebel deckt die Fluren:
Und es treibt den Sohn die Mutter
Aus dem Hause: «Pack dich fort, Sohn!
Den Tataren werd' zur Beute!»

—Mutter! Gold und Silber werd' ich
Mir von den Tataren holen.—
Und das Pferd, das muntre, führend
Kommt die älteste der Schwestern;
Zaum und Sattel trägt die zweite;
Aber ängstlich fragt die jüngste:
«Bruder, sag', wann kehrst du wieder?»

—Eine Hand voll Sand nimm, Schwester,
Streu' sie aus auf nackten Steinen,
Und beim frühen Morgenschimmer
Netze sie mit deinen Thränen:
Und wenn Blumen d'raus erblühen
Wird dein Bruder wiederkehren!—

Schau'rich rauscht's im Eichenwalde,
Dichter Nebel deckt die Fluren:
Und es ruft den Sohn die Mutter
Aus der Fremde: «Kehr'zurück, Sohn!
Will ein Bad dir kühl bereiten».

— Mutter! mir zum Bad dient Regen,
Strupp'ger Dornbusch kämmt das Haar mir,
Und mich trocknet Sturmeswehen!—

Для переводовъ украинскихъ народныхъ пѣсней Метлеркампъ, вѣрно, воспользовался печатнымъ источникомъ. Предстоящая пѣсня вѣстна уже по раннимъ печатнымъ изданіямъ у Павловича, Маминевича, Закревскаго и др. въ такой формѣ:

Гомін, гомін по діброві
Туман поле покриває,
Мати сина проганяє.
«Піди, сишу, геть від мене,
Нехай тебе турки візьмуть!»
Мене, мати, турки знають,
Мене кіньми знаділють.

Далѣ, въ этой пѣснѣ мать высказываетъ пожеланіе, чтобы Она взяла его; но сынъ отвѣчаетъ, что Орда надѣляетъ его золотомъ и серебромъ и т. д. Все это передано въ очень близкой къ подлиннику формѣ.

Въ эпилогѣ къ «Пѣснямъ—ласточкамъ» авторъ повторяетъ благодарность Творцу за то, что Онъ далъ ему даръ пѣснопѣнія, который оставался при немъ въ часы «блаженной радости и въ часы печали» и помогаль ему высказывать то, что волновало его сердце. Даръ, все что переживала его душа, выражать стихами, былъ для него какъ бы священными чарами, которыя часто спасали его отъ отчаянія. Онъ оканчиваетъ этотъ эпилогъ желаніемъ:

«Jhr Freunde! ruft der Wille
Des Ew'gen einst mich ab:
Dann legt zur starren Hülle
Die Laute mir ins Grab.

Dort wird im engen Raume
Noch zaub'risch ihr Getön
Mich leis mit einem Traume
Von Fried' und Glück umwehn.
Bis hell der grösze Morgen
Der Auferstehung glüht,
Und, was im Grab verborgen,
Zu neuem Sein erblüht.»

Итакъ Метлеркампъ пробовалъ свои силы въ различнѣйшихъ областяхъ поэзіи. Изъ-подъ его пера вышли оды, пѣсни любви и печали, лирическія и эпическія произведенія, и нельзя не согласиться, что у него во всѣхъ этихъ областяхъ есть цѣнныя произведенія. Своеобразное сочетаніе сильнаго и нѣжнаго въ языкѣ Метлеркампа придаетъ ему прелесть и задумчивость. Если имѣть въ виду эти поэтическія достоинства «Пѣсенъ—ласточекъ», то можно думать, что и теперь, семьдесятъ лѣтъ спустя послѣ ихъ появленія, не окажется несбыточной та скромная надежда, которую питалъ когда то нашъ поэтъ:

«Und hab' ich *eine* Seele nur gefunden,
Die tief mit mir, was ich gefühlt, empfunden:
Dann wirkt' ich viel!»

Г. Ю. Ирмеръ.
